

© 2021

Сергей Капканщиков

доктор экономических наук, профессор,
зав. кафедрой Ульяновского государственного университета
(e-mail: kapkansv@mail.ru)

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ДЕФЕКТЫ РОССИЙСКОЙ СЫРЬЕВОЙ МОДЕЛИ ЭКОНОМИКИ

В статье обосновывается факт отсутствия исторических перспектив у российской сырьевой модели экономики, основанной на форсированном вывозе энергоносителей за границу. Эта модель является барьером на пути России к рыночной экономике. Автор доказывает необходимость большей ориентации топливно-энергетического комплекса на внутреннее потребление его продукции.

Ключевые слова: сырьевая модель; энергоёмкость экономики; волатильность хозяйственной динамики; природная рента; рентное налогообложение.

DOI: 10.31857/S020736760013391-9

При всем многообразии взглядов на причины депрессивного состояния российской экономики в течение последнего десятилетия наиболее аргументированным, на наш взгляд, является представление о том, что главная причина состоит в диспропорциях в системе воспроизводства, среди которых особое место занимает сырьевой характер отраслевой структуры экономики с доминирующей ролью топливно-энергетического комплекса в функционировании экономики страны в ущерб развитию высокотехнологичных отраслей, формирующих благоприятное будущее страны. А поскольку «нынешний кризис — это структурный экономический кризис, отягощенный внешними шоками в виде падения цен на нефть и санкций, то о его завершении можно говорить только тогда, когда будут решены проблемы тяжелых структурных диспропорций российской экономики» [12. С. 18]. Каковы же социально-экономические последствия многолетнего функционирования экономики России на базе исторически бесперспективной сырьевой модели? Какую макроэкономическую цену уже заплатила и продолжает платить страна за недальновидный курс на ускоренный рост экспортоориентированных нефтегазовых отраслей? В обстановке недавней форс-мажорной ситуации на мировом рынке энергоносителей ответ на эти принципиальные вопросы имеет не только теоретическое, но и практическое значение, поскольку только в этом случае становятся возможными выработка сценарных прогнозов развития российской экономики, а затем и целевого ориентира предстоящих в ней радикальных структурных преобразований.

Надо признать, что предельно упрощенное мнение относительно, безусловно, позитивного вклада фактора высокой обеспеченности страны

природными ресурсами в обеспечение ее стремительного продвижения вверх по шкале экономического развития в последние полвека в мировой науке и экономической политике ставится под серьезное сомнение. Пассивная эволюция национальной экономики в русле исторически тупиковой модели сырьевое государство имеет множество негативных последствий.

Не секрет, что в последнее десятилетие на фоне революционных экономико-технологических перемен во всемирном хозяйстве энергетические гиганты, такие как ExxonMobil, Shell, British Petroleum, Total, не только утратили свое бывшее лидерство по уровню капитализации, но и пришли к ее сокращению в абсолютном выражении. В условиях перехода глобальной экономики к шестому технологическому укладу и по мере развертывания четвертой промышленной революции курс на использование энергосберегающих технологий объективно уменьшает влияние стран-поставщиков топлива. Известно, что главным его потребителем является автомобильный и авиационный транспорт. Между тем в условиях нынешней пандемии коронавируса трудно назвать отрасли мировой экономики, которые пострадали бы от нее в большей степени. И это стало, по всей видимости, главной причиной отката глобального спроса на энергоносители на несколько десятилетий назад и, соответственно, беспрецедентного их удешевления, принципиально не устранимого никакими сделками в рамках ОПЕК по снижению добычи.

Впрочем, неотвратимо приближающийся закат финансового процветания нефтегазовых компаний обусловлен далеко не только текущими биоэкономическими процессами. Так, прогнозируемое резкое удешевление электромобилей к 2025 г. неизбежно приведет к выигрышу ими конкуренции у автомобилей с двигателем внутреннего сгорания, что наряду с ожидаемым к 2040 г. двукратным сокращением норматива расхода топлива на 100 км пробега (с нынешних 6 до 3 л) наверняка нанесет сокрушительный удар по мировому спросу на нефть — наряду с вполне foreseeable обострением торговой войны между США и КНР, заметно замедляющей «бег» мировой экономики. «Сланцевая революция» не только сделала Соединенные Штаты практически самодостаточной в энергетическом отношении страной, но и превратила их в мощного конкурента (в том числе в перспективе и ценового) Российской Федерации на европейском рынке. В результате усиления конкурентной борьбы доля России в мировой добыче газа упала с 22,0% в 2000 г. до 16,3% в 2016 г. [7. С. 8]. Последующая интенсификация гибридной войны коллективного Запада против нашей страны, например, антироссийские санкции против «Северного потока-2», способна сделать эту долю еще существенно ниже. А нынешний демпинг со стороны Саудовской Аравии при продаже нефти странам Европы, политические сложности реализации российской нефти марки Urals ставят под серьезное сомнение перспективы сколь угодно мощного притока нефтедолларов в нашу страну уже в обозримой перспективе.

За период 2004–2017 гг. мировое потребление нефти увеличилось всего на 119%, природного газа — на 130%, в то время как потребление энергии в виде солнца, ветра и биоорганики возросло на 641% [17. С. 109]. Конечно, скольконибудь существенное замещение нефти, газа, угля, гидро- и атомной энергии возобновляемыми видами энергии с нулевыми выбросами парниковых газов случится не скоро. Однако уже сегодня успешному развитию России в русле сырьевой модели препятствует сложившаяся «отрицательная эластичность объема экспорта по цене в ЕС» [2. С. 16]. Если при понижении цен на нефть и газ на мировом рынке объем их поставок из России в европейские страны обычно не снижается, то, напротив, сжатие зарубежного спроса влечет за собой серьезный спад объема продаж. И главной причиной подобного сокращения спроса выступает вовсе не нахождение государствами ЕС альтернативных источников энергоносителей (дополнительные поставки сюда из стран ОПЕК или, скажем, США жестко лимитируются технологическими или экономическими факторами), а становление качественно иной структуры энергобаланса под влиянием НТР. Неуклонное сокращение энергоемкости ВВП, ускоренная электрификация транспорта в рамках «зеленой» революции, стимулирование рециркуляции ресурсов приводят к тому, что при удорожании топлива и сырья физический объем российского экспорта и, соответственно, ВВП становится не выше, что наблюдалось в недавнем прошлом, а заметно ниже. Таким образом, в новых реалиях зачастую куда более значимой долгосрочной угрозой для сырьевой экономики России становится не столько снижение мировых нефтяных цен (в этом случае стимулы к ресурсосбережению в мире закономерно падают), сколько именно их скачкообразный рост, побуждающий зарубежных потребителей топлива изыскивать все новые способы сокращения объема его покупок.

К тому же по объективным показателям Россию нельзя отнести к категории тех нефтеизбыточных государств (расположенных, прежде всего на Ближнем Востоке), которые в течение всего XXI в. будут оставаться ведущими поставщиками «черного золота» на мировые рынки. Известно, что по величине доказанных нефтяных запасов наша страна сильно проигрывает Саудовской Аравии, Венесуэле, Канаде, Ирану, Ираку и находится на уровне столь малых в территориальном отношении нефтеносных стран, как Кувейт и ОАЭ. Правда, в 2010 г. Россия по объему среднесуточной добычи нефти (10270 тыс. барр.) временно вышла на первое место в мире, оставив позади других лидеров добычи — Саудовскую Аравию (10007 тыс. барр.) и США (7513 тыс. барр.). Но спустя всего несколько лет Соединенные Штаты в результате «сланцевой революции» стали мировым лидером нефтедобычи, приблизившись к отметке в 15 млн барр. в день. Тем не менее по объему нефтедобычи наша страна традиционно входит в лидирующую тройку. Однако исчерпание невозобновляемых источников энергии явно не за горами. Не случайно А. Новак не

исключает сокращения добычи российской нефти уже с 2022 г., причем не в связи с пандемией, а по комплексу естественных природно-технологических причин.

Согласно обзору мировой энергетики, выполненному компанией British Petroleum, если странам Персидского залива хватит своей нефти при нынешней ее добыче на 82 года, а Венесуэле — на 334 года, то России — всего на 26 лет (то есть где-то до 2045 г.) [19. С. 15], причем, если в 2020 г. ее добыча могла бы составить 530 млн тонн (если бы не взятые перед ОПЕК+ новые обязательства), то в 2040 г. — уже всего 460 млн тонн с последующим неуклонным сокращением. И хотя в ближайшие два десятилетия приемлемый уровень мировых цен еще способен компенсировать сокращение добычи нефти в нашей стране, однако за пределами 2040 г., по оценке В. Фальцмана, «возможны крутой спуск к нулевой отметке и даже шоковое обрушение нефтедобычи» [20. С. 155]. Так что подобно Мексике, чьи нефтяные запасы сократились с 8 млрд т в 1981 г. до 2 млрд т в 2005 г. [14. С. 7], Россия уже во вполне обозримой перспективе способна превратиться в нефтеимпортирующую страну. Доходы же от продолжающегося вывоза природного газа, составляющие ныне примерно четверть от экспортных нефтедолларов, наверняка не позволят безболезненно оплачивать подобный импорт. Выходит, что, занимаясь активной распродажей российских энергоносителей, сырьевые олигархи во многом лишают будущего не только наших внуков, но даже детей. Таковы реалии их «жизни взаимы» — у своих потомков. Следовательно, нефть как невозобновляемый ресурс уже сегодня неуклонно утрачивает свой статус как некоей «палочки-выручалочки» российского народа и государственного бюджета.

Выявляя порочность реализуемого курса на максимизацию объемов нефтегазового экспорта, нельзя также забывать:

- о сохраняющейся и поныне высокой энергоемкости отечественной экономики, превышение ею уровня ведущих европейских государств является примерно 3,5-кратным [13. С. 47]. Она обусловлена не только гигантской территорией страны и суровостью ее климата, но и сложившейся в ней еще в советский период отраслевой структурой, в которой, безусловно, доминирующими являлись отрасли тяжелой (а также оборонной) промышленности. В результате, по оценке М. Соколова, соотношение затрат на энергию с ВВП неуклонно растет и уже сегодня составляет 11%, причем Россия по этому индикатору находится на 166-м месте среди 192 стран мира [17. С. 118]. И если предположить, что объем производства в нашей стране станет впредь нарастать быстрее добычи нефти, то даже в случае резкого сокращения энергоемкости национального продукта все большую часть энергоресурсов придется направлять не на экспорт, а на сугубо внутреннее потребление;

- об относительно высокой себестоимости добычи и транспортировки нефти по территории Российской Федерации, которая оказывается сегодня кратно

большей, чем в государствах Персидского залива. В этих арабских странах нефть имеет небольшую глубину залегания, добывается в непосредственной близости от крупных портов, что не требует строительства и обслуживания протяженных нефтепроводов. В России же более близкие к потребителям нефтеносные районы не только Поволжья (Татарстан и Самарская область), но и Западной Сибири уже выработали свои лучшие запасы. Доля трудно извлекаемой нефти в куда более отдаленных регионах крайнего Севера, Восточной Сибири (особенно при ее добыче со дна океанов и морей) неуклонно приближается к отметке в 70%. А запуск технически более проблемных проектов нефтедобычи требует приобретения не столько внутри страны, сколько за границей сложных, а потому крайне дорогостоящих оборудования и технологий, доля которых, по оценке Минпромторга РФ, составляет сегодня 52%. Да и любое нефтегазовое оборудование в последние годы в связи с серьезным ослаблением рубля серьезно подорожало. В постсанкционный период многие его компоненты вообще перестали поставляться в нашу страну, а темпы импортозамещения если и были положительными, то все равно не адекватны потребностям нефтегазового сектора. Растущая себестоимость российской нефти обусловлена увеличением затрат не только на ее добычу и транспортировку, но и на поиск и разработку новых месторождений. Немалый вклад в этот процесс вносят и существенно поднявшиеся налоги (особенно НДС), уплачиваемые законопослушными нефтяными компаниями.

В результате взрывного роста всех этих затрат, по данным Morgan Stanley, если на Ближнем Востоке в 2014 г. нефтепромысел становился рентабельным при мировой цене всего в 24 долл./барр., то для России подобный порог рентабельности составлял 50 долл./барр. (а в арктической ее части — 75 долл./барр.). И столь резкое удорожание (правда, без корректировки на последовавшую затем двойную девальвацию рубля) наблюдается в условиях, когда удельные капитальные затраты на баррель дополнительной нефти в США, напротив, сократились за 2011–2017 гг. с 70 до 30 долл., в результате чего уровень цены в 40 долл./барр. стал приемлемым для большинства скважин [17. С. 116]. По данным Ю. Синяка и А. Колпакова, за период 2000–2011 гг. величина удельных операционных затрат в добыче российской нефти возросла с 32,9 до 138,8 долл./т, капитальных затрат — с 12,8 до 41 долл./т, а затрат на транспортировку — с 3,2 до 66 долл./т [15. С. 18]. А в случае перемещения нефтедобычи на шельф Северного Ледовитого океана или в результате вынужденного перехода к производству энергии из возобновляемых источников она заведомо окажется еще более дорогой, не позволяющей достаточно быстро окупить вложенные средства. В этих условиях нынешнее падение мировых цен на нефть неизбежно делает кривую сокращения добычи во времени в нашей стране гораздо более крутой, даже без учета последней сделки в рамках соглашения ОПЕК+.

Впрочем, есть немалые основания полагать, что дороговизна добычи и транспортировки российского топлива во многом мнимая. В обстановке резко-го нарастания уровня рентного налогообложения, случившегося в XXI в., многие компании топливно-энергетического комплекса научились хитроумно фальсифицировать финансовую отчетность за счет отнесения к стремительно нарастающим издержкам производства и обращения тех компонентов своего дохода от резко возросших мировых цен, которые на деле таковыми не являются (завышенная оплата топ-менеджеров, закупки материалов для строительства нефте-и газопроводов по рекордно высоким ценам в интересах подрядчиков-монополистов, искусственно вздутые затраты на подшефные футбольные клубы, щедрые командировочные и представительские расходы и т.п.). Если в 1990-е гг. преобладающая часть природной ренты открыто и цинично присваивалась недропользователями (а потому реальные издержки нефтедобычи изменялись мало), то в XXI в. в России последовательно формировался все более мощный скрытый канал ее перераспределения государственного бюджета на цели формирования чистой прибыли соответствующих олигархических кланов. Если бы все издержки нефтегазовых компаний на добычу и транспортировку сырья действительно носили объективный характер, то крайне трудно было бы объяснить их резкое сокращение в 2009–2010 гг., когда кризисное падение мировых цен на нефть и, соответственно, рентных налогов дестимулировало менеджмент к искусственному взвинчиванию компонентов затрат. К тому же в случае объективной обусловленности корпоративных расходов они непременно должны были порождать в отечественной экономике мощный мультипликативный эффект, ведь очевидно, что товары и услуги множества смежных отраслей в этом случае стали бы нарастать как снежный ком. Однако, судя по темпам их расширения в последние годы, о сколько-нибудь заметном действии подобного эффекта говорить сложно, и если он все же возникает, то заведомо уходит в зарубежную экономику, откуда поступают технологии и оборудование для нефтегазового сектора, задавившие соответствующие подотрасли российского машиностроения.

Развиваясь в русле сырьевой модели, российская экономика оказывается в определяющей зависимости (во многом сходной с зависимостью наркотической) «от внешней среды, в которую интегрирована наша страна, от политических и экономических решений отдельных интеграционных группировок, международных организаций, в частности, Всемирной торговой организации, ущемляющих интересы Российской Федерации в области внешнеэкономических связей» [8. С. 13]. Судьбы отечественной экономики и ее бюджетной системы становятся тесно связанными с конъюнктурными колебаниями всего лишь на нескольких товарных рынках, на которых страна заведомо не выглядит монополистом. Особо сильное воздействие на них оказывает динамика спроса и, соответственно, уровня мировых цен на нефть. Сложившаяся

практика широкого использования энергоносителей в роли спекулятивного актива, непосредственное влияние разнообразных политических процессов на нефтяные котировки делают последние крайне нестабильными (даже при стабилизирующем влиянии огромных запасов нефти, имеющихся у США), что через колебания объема поступающей в нашу страну природной ренты обрекают ее на крайнюю неустойчивость экономического роста. Как и все экспортноориентированные страны с «царицей Нефтью» и слабостью диверсифицированной структуры народнохозяйственного организма, Россия характеризуется куда более заметной волатильностью развития, при которой фазы цикла, через которые последовательно проходит ее национальная экономика, в решающей степени обусловлены перепадами доходов от топливного экспорта.

Колебания нефтяных цен, которые оказываются существенно выше изменчивости цен на экспортно-импортную продукцию в странах с диверсифицированной экономикой, отчетливо отражаются как на динамике ВВП и занятости населения, так и на функционировании бюджетной и банковской систем, на состоянии валютного и долгового рынка. При этом фактором дестабилизации российской экономики (динамика которой становится все более «горбатой») выступает не только удешевление энергоносителей на мировом рынке, которое вызывает кризис и скачок безработицы, но и их удорожание, ускоряющее темпы инфляционного бума. Все более отчетливо превращаясь в экономику сырьевого типа, наша страна, проживающая как бы в сейсмической зоне, обрекается на избыточную волатильность своей хозяйственной динамики, колебания которой вполне может не ослаблять, а напротив, даже усиливать свойственное сырьевым странам низкое качество государственной бюджетно-налоговой и денежно-кредитной политики (становящейся зачастую не контр-, а напротив, проциклической).

Активно реализуя стратегию «Рантье», российское государство в «тучные годы» не препятствует обогащению главных рентополучателей — состоятельных слоев, которые откровенно паразитируют на своей близости к природным ресурсам, активно приобретают дорогостоящую недвижимость как внутри страны, так и за рубежом, вывозят туда капиталы и свои семьи на постоянное проживание, привлекают в страну звезд мирового спорта и эстрады и т.п. Параллельно с этим усиливается перераспределение доходов в пользу менее обеспеченных их сограждан, в результате «растекания» нефтедолларов по стране повышается заработная плата бюджетников, регулярно индексируются пенсии, запускаются национальные социальные проекты. Массовый отдых за границей на сырьевую ренту заметно улучшает качество жизни россиян, чему способствует и мощный приток в страну гастарбайтеров, принимающих на себя заботу об уборке улиц, строительстве жилья, дорог, поддержании занятости на вредных производствах. Государственный и корпоративный секторы российской экономики, как и других стран, богатых природными ресурсами,

с куда большей легкостью занимают средства за рубежом, из-за чего в 1980-е гг. попала в долговую ловушку (завершившуюся дефолтом), например, одна из наиболее успешных стран Латинской Америки – Мексика. Высокие мировые цены на сырье побуждают международные банки предоставлять компаниям-экспортерам крупные кредиты (подтверждая известный тезис, что банкиры дают займы более всего тем, кто в них, по сути, особо и не нуждается). Усилия всех экономических субъектов направляются более на «раздел сырьевого пирога», чем на наращивание их трудовых и предпринимательских усилий, из-за чего сфера распределения начинает отчетливо доминировать над сферой производства.

Ведущим источником экономического роста сырьевых стран выступает наращивание не внутреннего спроса, а чистого экспорта, который заведомо нестабилен и к тому же в решающей мере определяется факторами, на которые власти этих стран воздействовать не в состоянии. Россия, утверждают М. Ершов, А. Танасова, В. Татузов, М. Цховребов, тоже «относится к группе стран, в которых внешний спрос служит ключевым драйвером развития экономики» [5. С. 17-18]. Развенчивая распространенное заблуждение, что любое наращивание цен на нефть и, соответственно, чистого экспорта способствует якобы подъему экономики России, В. Маневич резонно замечает: «Активное сальдо баланса товаров и услуг означает, что определенную часть ВВП страна отдает остальному миру. Но экономический рост на основе высоких доходов от экспорта оказывается крайне ограниченным и быстро упирается в предел, диктуемый структурой экономики» [9. С. 16]. Через известные механизмы «голландской болезни» приток нефтедолларов в страну и, как результат, избыточное укрепление национальной валюты влекут за собой торможение развития обрабатывающей промышленности, сельского хозяйства и других конечных отраслей, а значит, и всплеск безработицы.

Совершенно иная ситуация складывается в странах с преимущественно сырьевой экономикой в обстановке стремительного снижения нефтяных цен. Именно так обстоят дела в современной России не только из-за развернувшейся во всем мире эпидемии коронавируса, но и потому, что уже в 2018 г. американский экспорт нефти и нефтепродуктов достиг 450 млн т, а глобальная экономика (включая экономику Китая) неуклонно замедляется по закономерностям кондратьевского длинноволнового цикла. Имеет значение и заметное смещение целей картеля ОПЕК, позиции которого на нефтяном рынке заметно ослабли, от поддержания высоких цен к сохранению его рыночной доли. При понижительной конъюнктуре глобального нефтяного рынка финансово-экономические трудности страны нарастают стремительно. Резко сжимаются доходы государственного бюджета, что так или иначе, раньше или позже толкает финансовые власти к урезанию его расходов. Сокращение поступлений иностранной валюты оказывается не способным удовлетворить

спрос на нее, что ослабляет курс валюты национальной. Резко падает благосостояние населения, совокупный спрос, занятость и ВВП. Таковы логичные результаты подсадки национальной финансовой системы на «сырьевую иглу» при отказе от курса на всестороннее расширение налогооблагаемой базы за счет опережающего роста обрабатывающих производств.

Для индустриально развитых стран, в которых экспорт заведомо не является сугубо сырьевым, понижение мировых цен не вызывает каких-либо кризисных явлений. Более того, в США и странах Евросоюза макроэкономическая ситуация после завершения эпидемии способна заметно улучшиться сравнительно не только с форс-мажором 2020 г., но и с той, которая сохранялась здесь до 2012 г., когда на рынках нефти, металлов, удобрений, зерна, продовольственных товаров сохранялась повышательная конъюнктура. Существенное сокращение затрат фирм на приобретение топлива и сырья не только тормозит инфляционные процессы, но и понижает безработицу в секторе трудоемких обрабатывающих производств, а также повышает среднегодовые темпы прироста ВВП. Падение сырьевых цен через сокращение издержек производства активно используется компаниями для интенсивного обновления высокотехнологичного оборудования, открывающего широкие возможности для их экспансии на внутреннем и внешнем рынках. В отличие от них в странах, осуществляющих эволюцию в русле сырьевой модели, падение цен на энергоносители нередко приводит к подлинному коллапсу. Резко ухудшается состояние торгового баланса, быстро схлопывается надутый нефтедолларами ВВП, сжимается внутренний спрос. Становится намного сложнее возвращать ранее взятые зарубежные кредиты, поскольку неизбежное в этом случае обесценение национальной валюты резко утяжеляет внешний долг. Для его обслуживания в «тощие годы» усиливается давление в налоговой сфере, стремительно сокращается потребление населения, рушится социально-культурная сфера, к финансированию которой все чаще полупринудительно привлекаются частные фирмы.

Общая закономерность, состоящая в избыточной макроэкономической изменчивости сырьевой экономики, при которой «косвенный эффект, проявляющийся в высокой волатильности цен на сырье и основных экономических индикаторов, как правило, превышает положительный эффект обладания природными ресурсами» [11. С. 18], интенсивно проявляется и в современных условиях. «Замедление роста и спад инвестиционной активности в странах-импортерах, — отмечает В. Мау, — способны при мультипликативном эффекте привести к резкому торможению сырьевой экономики, запустить сценарий «жесткой посадки» [10. С. 10]. И, действительно, отрицательные последствия чрезмерной гибкости мировых цен на топливо и сырье не позволили российской экономике устойчиво восстанавливаться и в период после Великой рецессии 2008–2009 гг. Этому в немалой степени способствовал спад поступающих

в нашу страну нефтегазодолларов из-за нисходящей конъюнктуры мирового топливного рынка. Получается, что как только сырьевая подпитка отечественной экономики идет на убыль, так она сразу начинает активно демонстрировать свою хроническую неспособность к расширенному воспроизводству. «Стоит только прохудиться нефтедолларовой светомаскировке, и наружу тотчас же вырывается джинн системного кризиса» [2. С. 5]. В ходе его развертывания становится очевидным тот факт, что предшествующий экономический рост был следствием увеличения не столько физического объема экспорта сырья, сколько его стоимостного выражения.

Неотъемлемой характеристикой модели экспортоориентированного роста на базе сырьевых секторов выступают значительный уровень потенциальной безработицы и, соответственно, невысокий размер заработной платы. Это обусловлено довольно узким спросом на труд, кардинально меняющим саму траекторию развития национальной экономики. Известно, что в обделенных природными ресурсами странах занятость оказывается значительно выше, поскольку здесь успешно развиваются многочисленные трудоемкие обрабатывающие отрасли, формирующие повышенный спрос на рабочую силу. В таких условиях труд закономерно превращается в наиболее дефицитный и, соответственно, дорожающий ресурс. Неуклонный рост заработков побуждает работников вкладывать дополнительные средства в дальнейшее развитие своего человеческого капитала, что, в свою очередь, приводит опять-таки к ускорению прогресса обрабатывающих отраслей.

Напротив, собственники добывающих компаний, играющие ключевую роль в экономике сырьевого государства, интенсифицируя процесс извлечения из недр дорожающих природных ресурсов, неуклонно снижают трудоемкость производства и, соответственно, наращивают его капиталоемкость. Неотвратимо сокращающаяся возможность сырьевиков создавать дополнительные рабочие места (особенно для высококвалифицированных специалистов) в сочетании с низкой мобильностью работников, зачастую не способных покидать места своего традиционного проживания, несмотря на факт исчерпания запасов и отсутствия свободных вакансий, принуждают власти богатых сырьевыми ресурсами государств неустанно бороться с регулярными вспышками безработицы. Если в 2002 г. на всех добывающих производствах трудилось всего 1,16 млн россиян (или 1,8% занятых), то в 2016 г. их стало на 78 тыс. меньше при росте численности занятых в экономике в целом примерно на 1,5 млн человек [11. С. 31]. В. Дасковский и В. Киселев считают поистине абсурдной ситуацию, при которой труд всего 619 тыс. работников по добыче топливно-энергетических ископаемых (а это всего 0,9% всех занятых в нашей стране) обеспечивает бездефицитность государственного бюджета и повышение уровня жизни населения [4. С. 57]. Но если легкая промышленность активно вытесняется тяжелой, обрабатывающие отрасли — добывающими,

то спрос на труд оказывается ниже его предложения с понижающим давлением этой диспропорции на размер оплаты труда, покупательную способность населения и опять-таки на уровень занятости.

Функционирование в русле сырьевой модели неуклонно переводит Россию в категорию стран с чрезмерным подоходным и поимущественным расслоением населения. Существует устойчивая положительная связь между удельным весом добывающих отраслей в структуре ВВП и индексом Джини, причем она тем сильнее, чем более корыстной, нерациональной при принятии структурных решений и, наконец, коррумпированной является действующая власть. Известно, что самой высокой (61%) является концентрация доходов у наиболее состоятельной 10%-ной части населения именно в странах Ближнего Востока, которые являются мировыми лидерами в сфере добычи и экспорта энергоносителей. В становящейся все более сырьевой российской экономике доля в национальном доходе данной группы оказалась в 2016 г. не намного ниже — 46%. В. Клинов и А. Сидоров связывают этот факт «с формированием личных доходов верхнего слоя населения за счет присвоения значительной части природной ренты от эксплуатации сырьевых ресурсов, особенно добычи и реализации углеводородов на внешних рынках» [6. С. 36]. Избыточная дифференциация граждан в странах с «большой нефтью» находит проявление, например, в невысоком уровне их грамотности, уровень которой в Саудовской Аравии составляет всего 62%, в Кувейте, Катаре, ОАЭ — лишь около 80%, что несопоставимо с несырьевыми странами, где достигнут сходный уровень ВВП в расчете на душу населения. Поляризация общества, сложившаяся в государствах-рантье, обычно надолго закрепляется клановостью и преемственностью, широкой практикой передачи прав на добычу и экспорт по наследству ближайшим родственникам сырьевых магнатов.

Владелец земли и ее недр (не только де-юре, но даже де-факто) присваивает огромный доход не в результате своего труда и предпринимательского таланта, а именно как собственник ренты. Вместо «поиска прибыли», приносящего несомненную пользу обществу из-за стремления бизнесмена наращивать выпуск товаров и услуг, он активно занимается «поиском ренты». И эта его пагубная тяга к извлечению сугубо рентных доходов серьезнейшим образом ущемляет общественные интересы, поскольку парализует желание бизнеса заниматься производственной деятельностью по выпуску товаров и услуг с высокой долей добавленной стоимости. Получив желанную лицензию на эксплуатацию богатого месторождения полезных ископаемых, компания зачастую сразу же может рассчитывать на доход, на порядок превышающий доход предприятий, функционирующих в обрабатывающих отраслях, особенно в случаях, когда затраты на добычу и транспортировку оказываются намного ниже мировой цены на добываемое ценное сырье. А если эта компания к тому же получает от склонного к коррупции правительства право выплачивать

рентные налоги (НДПИ, экспортные пошлины) по заниженным ставкам, тогда природная рента оседает в частном кармане, что делает расслоение доходов россиян еще более сильным, чем в других странах, столь же не обделенных богатством недр. Подобная поляризация общества требует немалых непроемчивых затрат бюджетных средств на финансирование внутренних войск. Не случайно, например, в Бразилии расходы на полицейскую защиту правящих богачей от отчаявшейся бедноты пятикратно превышают расходы на армию, защищающую страну от внешних угроз.

Сокращение спроса на труд в фондоемкой сырьевой экономике сказывается и на темпах протекающего в стране научно-технического прогресса. Неизбежно заниженная здесь заработная плата в целом ряде случаев дестимулирует собственников компаний к интенсивной замене ручного труда трудом машинным. Хотя современные предприятия добывающей промышленности, являясь довольно сложными производствами, тоже предъявляют немалый спрос на высокие технологии, однако темпы их технологического прогресса все же не выглядят запредельными. «Добывающие технологии относительно просты и не предъявляют высоких требований к человеческому капиталу» [14. С. 7]. Во всяком случае, завышенной наукоемкостью добывающие отрасли никогда не отличались, а большинство занятых здесь работников не обладают высокой квалификацией (а если и обладают, то для исполнения должностных обязанностей она зачастую им не требуется), так что в современной России налицо противоречие между кадровыми потребностями сырьевой экономики и сохраняющимся высоким уровнем образованности населения [21. С. 24]. Повышение качества образования в этих условиях уже не может рассматриваться в качестве решающего фактора успешной карьеры, поскольку оно имеет отношение лишь к предложению рабочей силы. Но если на рынке труда отсутствует адекватный спрос на квалифицированный труд и национальная экономика не столь остро нуждается в формировании более развитого человеческого капитала, то вложения в подготовку специалистов, не востребованных рынком, обречены на предельно низкую результативность. «Поскольку инвестиции в образование носят долгосрочный характер, в условиях, когда спрос на квалифицированную рабочую силу характеризуется повышенной неопределенностью, эти вложения становятся невыгодными, что и наблюдается в странах, богатых ресурсами» [3. С. 7]. Действительно, на примитивном лесоповале, в угольной шахте, нефтяной платформе или на рыболовецком траулере интеллектуалы особо не требуются, и заказа на их подготовку эти сферы сырьевой экономики заведомо предоставлять не станут. В ситуации хронического превышения предложения труда над его спросом, а именно такую ситуацию В. Гимпельсон обнаруживает в современной России, «страна-лидер по накопленному человеческому капиталу оказывается среди стран-аутсайдеров по производительности труда, то есть по показателю его использования» [1. С. 132].

Если в развитых странах роль драйвера экономического роста выполняют сегодня отрасли высокотехнологичного комплекса, побуждающие остальные звенья народнохозяйственного организма активно приспосабливаться к применяемым там высоким технологиям, то однобокая ориентация на сырьевые и энергетические отрасли, в которых возможности для инноваций заметно ограничены, тормозит рост народнохозяйственной эффективности и развертывание НТП в нашей стране. Нарастающая примитивизация национальной экономики сопровождается стагнацией в динамике производительности труда, капиталоотдачи и сохранением высокой материалоемкости. Если в СССР инновационной деятельностью были в той или иной степени охвачены более 50% предприятий (выше, чем сегодня не только в Восточной, но и Западной Европе), то в современной России — уже менее 10%, в результате чего доля инновационных товаров сократилась до 9% [18. С. 26]. Тогда как в эпоху технологического доминирования Советского Союза (в жестком противоборстве с США) главным источником научно-технического прогресса являлся оборонно-промышленный комплекс, то в последние десятилетия ведущие инновации поступают в мире из бурно прогрессирующего гражданского обрабатывающего сектора, который активно подпитывает военную промышленность, а не наоборот. И если этот сектор предельно заужен, то ожидать сколько-нибудь заметного инновационного прорыва в национальной экономике и надежного обеспечения обороноспособности страна становится все сложнее. Вместо ориентации на современные технологии российские власти продолжают наращивать мощности в отраслях топливно-энергетического и во многом ориентированного на его потребности (например, через строительство нефте- и газопроводов) металлургического комплекса.

Еще в 2006–2007 гг. обрабатывающая промышленность утратила роль ведущего отраслевого работодателя нашей страны, уступив лидерство торговле и сегменту гостинично-ресторанных услуг, где занятость является крайне малопродуктивной, а сколько-нибудь высокого уровня знаний и навыков работникам не требуется. В результате молодежь во многом лишается мотивации к приобретению высокоинтеллектуальных профессий и, напротив, неуклонно растет спрос на получение формальных дипломов, за которыми не стоит никаких знаний, причем это обстоятельство обычно крайне слабо сказывается на дальнейшей карьере «специалиста». В 2004–2013 гг. из обрабатывающих отраслей в секторы добычи сырья и так или иначе связанных с этой добычей услуг, где распределяется рента (охранники, юристы, госслужащие и др.) ежегодно перетекало 3,3% работников. Чрезмерное межотраслевое «пересаживание» работников при неуклонной утрате накопленного ранее человеческого капитала — таково неизбежное следствие вытеснения из системы общероссийского разделения труда его ключевого элемента, индустриального. Существует жесткая обратная связь между сырьевой направленностью национальной экономики

и долей расходов на образование в структуре ВВП. Если в странах, не отличающихся богатством недр, развитие обрабатывающих производств и, как результат, удорожание рабочей силы укрепляют стимулы работников вкладывать средства в развитие своего человеческого капитала, то в сырьевых странах их внутренняя мотивация к повышению уровня образования и квалификации закономерно ослабевает. В таких условиях складывается «устойчивая тенденция сближения заработков квалифицированных и неквалифицированных работников» [16. С. 38], которая была свойственна последним десятилетиям существования СССР и приводила тогда к торможению научно-технического прогресса. Параллельно с масштабным оттоком человеческого капитала из нашей страны наблюдается форсированный приток неквалифицированной рабочей силы из экс-советских республик. В обстановке продолжающейся деиндустриализации Россия обречена на чрезвычайно длительный процесс восстановления своего прежнего технологического лидерства, даже в случае постановки подобной цели в центр экономической политики государства.

Богатство российских недр препятствует формированию в нашей стране рыночных механизмов, блокирует результативность запущенных три десятилетия тому назад рыночных преобразований. В периоды благоприятной конъюнктуры на мировом рынке энергоносителей российская политическая элита, подобно советской в 1970-е гг., не ощущает острую необходимость осуществления назревших институциональных реформ, связанных со свободой средств массовой информации, становлением независимой судебной системы, обеспечением гарантий прав частной собственности и др.

Активно защищая отечественных олигополистов от конкурентов, рвущихся в страну из-за рубежа, она начинает выстраивать избыточные протекционистские барьеры. Притоку прямых иностранных инвестиций и связанному с ним технологическому прорыву во многом препятствуют посредством формирования довольно закрытой экономики и сами рентоориентированные российские предприниматели, не желающие ввергаться в водоворот международной конкуренции. Будучи бенефициарами начальных рыночных реформ, связанных с всесторонней либерализацией экономики, они успешно блокируют как последующие экономические преобразования, сопряженные с модернизацией и всесторонней диверсификацией национального хозяйства, так и политические перемены в общественном устройстве, состоящие в укреплении демократических институтов, поскольку при их отсутствии оказывается гораздо легче сохранить рентные доходы и не возвращать их законным владельцам. В этих условиях крупный бизнес, близкий к власти, становится крайне непрозрачным (с соответствующим давлением на СМИ, заставляя их отказываться от разглашения, например, размера сверхдоходов недропользователей). Так что неустойчивость демократии и, соответственно, подрыв свободы слова, становятся как бы побочными результатами изобилия природных ресурсов. В стране, в которой

большие деньги можно заработать не предпринимательским талантом, а всего лишь обретением права на разработку недр, неизбежно расцветает неустрашимая коррупция. Не случайно, например, на рубеже 1970–1980-х гг. в Мексике президент Хосе Лопес Портильо, декларируя на фоне нефтяных сверхдоходов рациональное «управление изобилием», на деле быстро утратил свою популярность в обществе из-за многочисленных коррупционных скандалов. Во многом именно из-за несовершенной отраслевой структуры ВВП Россия сегодня гораздо ближе не к европейским, а к ближневосточным странам, где купающаяся в нефти политическая элита и слышать не желает о демократических ценностях. Аналогично изобилие ресурсов в нашей стране через расцвет коррупции резко затормозило демократизацию общественной жизни.

Отмеченный комплекс негативных косвенных побочных эффектов стремительно развивающегося сектора добывающих отраслей способен существенно перевесить прямой эффект от дополнительного благосостояния при форсированном экспорте топлива и сырья, так что общий баланс выгод и потерь нашей страны от обладания природными богатствами вполне может оказаться отрицательным. Поэтому только четкое осознание властями того факта, что национальное богатство страны расширяется вовсе не в результате выкачивания из недр природных ресурсов, а лишь в случае его опережающего замещения создаваемой высокотехнологичной продукцией, позволит России преодолеть затянувшуюся хозяйственную рецессию. Конечно, переход от исчерпавшей свой потенциал сырьевой модели экономического роста к модели инновационной потребует серьезного ущемления интересов наиболее крупных корпораций (как сырьевых, так и тесно интегрированных с ними финансовых). Поэтому радикальная смена курса заведомо не может стать бесконфликтной в социально-политическом отношении. Однако без обеспечения действенного контроля над огромными потоками сырьевых доходов, направляемыми в государственный бюджет в рамках рентного налогообложения, и их последующего рационального использования в интересах становления диверсифицированной экономики сложно ожидать освоения тех безграничных возможностей, которые открываются перед нею благодаря богатству российских недр и благоприятной конъюнктуре на мировых рынках топлива и сырья.

Литература

1. Гимпельсон В. Нужен ли российской экономике человеческий капитал? Десять сомнений // Вопросы экономики. 2016. № 10. С. 129–143.
2. Губанов С. Автономная рецессия, как финальная фаза системного кризиса России // Экономист. 2013. № 9. С. 3–23.
3. Гуриев С., Плеханов А., Сонин К. Экономический механизм сырьевой модели развития // Вопросы экономики. 2010. № 3. С. 4–23.

4. Дасковский В., Киселев В. Объем, направления и структура инвестиций // Экономист. 2016. № 5. С. 56–68.
5. Ершов М.В., Танасова А.С., Татузов В.Ю., Цховребов М.П. О курсовых проблемах и валютной стратегии на современном этапе // Банковское дело. 2018. № 12. С. 17–18.
6. Клинов В.Г., Сидоров А.А. Мировые тенденции в распределении доходов и проблемы социально-экономического развития // Вопросы экономики. 2018. № 7. С. 30–44.
7. Кудрин А., Соколов И. Бюджетный маневр и структурная перестройка российской экономики // Вопросы экономики. 2017. № 9. С. 5–27.
8. Малахова Т.С. Позиции России в глобальной экономике: тенденции и противоречия // Финансы и кредит. 2015. № 21. С. 13–26.
9. Маневич В. О роли монетарной и финансовой политики в России в период кризиса и после него // Вопросы экономики. 2010. № 12. С. 17–32.
10. Мау В. Драма 2008 года: От экономического чуда к экономическому кризису // Вопросы экономики. 2009. № 2. С. 4–23.
11. Мионов В.В. О диагностике текущего состояния российской экономики и среднесрочных перспективах ее роста // Вопросы экономики. 2019. № 2. С. 5–35.
12. Николаев И., Марченко Т., Точилкина О. Перспективы российской экономики и особенности развития структурных кризисов // Общество и экономика. 2017. № 5. С. 5–38.
13. Овчинникова К.Н. Современное состояние нефтегазового комплекса России и его проблемы // Известия Томского политехнического университета. 2013. № 6. С. 47.
14. Полтерович В., Попов В., Тонис А. Экономическая политика, качество институтов и механизмы «ресурсного проклятия» // М.: Изд. Дом ГУ-ВШЭ, 2007. — 98 с.
15. Синяк Ю.В., Колпаков А.Ю. Анализ динамики и структуры затрат к нефтегазовому комплексу России в период 2000–2011 годов и прогноз до 2020 года // Проблемы прогнозирования. 2014. № 5. С. 15–38.
16. Соболев Э.Н. Оплата труда в системе социально-трудовых отношений: стереотипы и российские реалии: Научный доклад // М., Институт экономики РАН. 2017. — 50 с.
17. Соколов М.М. Перспективы потребления нефти в мире и динамика мировых цен на нее // Вестник Института экономики РАН. 2019. № 4. С. 108–124.
18. Тарануха Ю. Постсоветский феномен номенклатурного предпринимательства: причины формирования и пути преодоления // Экономист. 2016. № 8. С. 24–41.
19. Фальцман В. Во благо внуков Кейнса, а также наших // Экономист. 2018. № 5. С. 14–18.
20. Фальцман В.К. Россия без собственной нефти? // Вопросы экономики. 2019. № 4. С. 152–160.
21. Ханунов А.И., Сапожникова О.А. Современный опыт и проблема изъятия природной ренты // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2014. № 6. С. 20–31.

Sergey Kapkanshchikov (e-mail: kapkansv@mail.ru)

Ph.D. in Economics, Professor,

Head of the Department of Economics

of Ulyanovsk State University, Ulyanovsk

STRATEGIC FLAWS OF THE RESOURCE-BASED MODEL OF RUSSIAN ECONOMY

The author argues that a natural-resource-based economy, relying on boosting the export of oil and gas products, has no good prospects in the future. Stating that it has long been a hindrance to Russia's transition to a market economy, the author substantiates the need for a shift in selling fuels: from external to domestic market.

Keywords: natural-resource-based economic model; energy intensity of the economy; volatility of economic dynamics; natural rent; rental taxation.

DOI: 10.31857/S020736760013391-9